

**«Чешская хроника» Вацлава Гаека из Либочан
как литературный памятник**

«Чешская хроника» пражского каноника Вацлава Гаека из Либочан (конец XV в. – 1553) со времени своего первого издания в Праге в 1541 г. стала наиболее популярным сочинением по чешской истории как в самом чешском обществе, так и во всей Европе, поскольку уже в конце XVI в. она была переведена протестантом Иоганном Занделем с чешского на немецкий язык. Такой статус она сохраняла вплоть до начала XIX в., что подтверждается фактом ее факсимильного издания в Праге в 1819 г.

Специально надо отметить отсутствие консенсуса между историками и литературоведами по поводу интерпретации средневековых и ренессансных хроник как литературного жанра. В отличие от древнерусских летописей, давно признанных памятниками и литературы, и историографии, точнее, историописания, западная хронистика рассматривается, прежде всего, как феномен средневековой историографии, служащий для потомков источником исторической информации.

Казус Вацлава Гаека имеет совершенно другой характер, ибо в «Чешской хронике» достоверная историческая информация сознательно растворена в море авторских выдумок («исторических фейков») с целью создания чешского исторического мифа.

Как отмечают все исследователи, автор на страницах своего сочинения создал патриотическую концепцию чешской истории, основанную на католической интерпретации прошлого и прославлении чешских дворянских родов. Гуситскому движению отводилась роль, прежде всего, борьбы с немецкой агрессией, что смягчало интерпретацию католиками гусизма как ереси. Такой подход отвечал идее консолидации чешского общества постгуситского времени, расколотого по конфессиональному признаку. Также причиной широкой популярности хроники Гаека в Чехии был особый стиль повествования, который можно определить как беллетризацию истории, стремление автора предоставить читателю увлекательное чтение. Изложение событий ведется автором по годам, в соответствии со средневековой традицией хронистики, и доводится до коронации Фердинанда Габсбурга чешской короной в 1526 г.

Как исторический источник хроника Гаека почти на три века стала основой сведений по истории чехов и Чехии. Из нее черпали информацию как чешские авторы, так и зарубежные. Благодаря беллетризации истории в тексте хроники в изобилии встречаются всевозможного рода вымыслы, домыслы, легенды, выдаваемые за исторические факты. Поэтому в источниковедческом плане хроника Гаека представляет собой крайне сомнительный текст. Разоблачению ее как исторического источника в 1760-х гг. отдал много сил Гелазиус Добнер, исходивший из дискурса эпохи Просвещения с ее культом рациональности. Ожесточенная

полемика вокруг критики Добнером хроники Гаека была, прежде всего, вызвана тем, что она разрушала ту идеологию, которую можно назвать «чешский исторический миф», укоренившийся в сознании чешского общества эпохи Барокко, сопровождавшейся в Чехии потерей политической независимости. В условиях господства Габсбургов этот миф обеспечивал чехам континуитет национально-исторического и культурного самосознания, покушение на которое квалифицировалось как святотатство. В дальнейшем переживавшая этап становления чешская профессиональная историческая наука в лице Ф. Палацкого закрепила крайне негативную оценку Гаека как «самого крупного разрушителя здания истинной чешской истории и шарлатана»¹. В российской исторической богемистике аналогичная оценка нашла свое выражение в известной книге Л.П. Лаптевой «Письменные источники по истории Чехии периода феодализма» (МГУ, 1985). Она категорически утверждает: «Гаек многое из прошлого не знал вовсе, другое знал поверхностно, документы читал небрежно, переводил и толковал их без ясного понимания и произвольно. Нравственная позиция хрониста непостоянна, подчас он впадал в безразличие. Понятно, что когда историк такого толка встретился с научной критикой нового времени, приложившей к хронике мерку исторической объективности и этической бескомпромиссности, то он предстал перед ее судом как сознательный лжец и фальсификатор»².

¹ Цит. по: *Лаптева Л.П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. М., 1985. С. 76.

² Там же.

Примерно в тех же выражениях еще раньше оценил хронику Гаека известный чешский представитель исторической науки Ф. Кутнар. Он подчеркивает субъективизм Гаека, указывает на то, что современники увидели религиозную и политическую «партийность» его хроники и обилие в ней вымыслов. Ф. Кутнар стремится к объективной оценке хроники Гаека, различая ее содержание и то влияние, которое она оказала на чешское общество «эпохи тьмы», называемой теперь эпохой Барокко. Он указывает на то, что метод Гаека – это неверный путь развития ренессансной фабулизации истории, само сочинение пражского каноника не является тем важным, значимым текстом, которое обозначило бы движение вперед в чешской историографии. Большое значение хроника приобретает в эпоху упадка национальной жизни в XVII – начале XIX в. благодаря своей четкой патриотической тенденции. Из сочинения, прославляющего католицизм и шляхту, она становится народным чтением, возбуждающим историко-патриотические чувства, гордость за свое прошлое. Она поддерживала и усиливала национальное сознание в самые тяжелые периоды, сохраняя живой языковой континуитет, поскольку хроника написана на хорошем чешском литературном языке. Примечателен главный вывод Ф. Кутнара: хроника Гаека несмотря на все конкретные и методические недостатки, несмотря на то, что она не стала вершиной гуманистической историографии, а наоборот, затормозила развитие свободного исторического знания, является неотъемлемой и типической частью чешской историографии,

заслуживающей нового изучения прежде всего с точки зрения ее влияния на чешскую культуру³.

Собственно, по этому пути начиная с 1980-х гг. пошли некоторые чешские литературоведы и историки чешской историографии. Известный литературовед Ярослав Колар, впитавший традиции знаменитого Пражского лингвистического кружка, руководимого Р. Якобсоном и Я. Мукаржовским, издал фрагменты из хроники Гаека как литературный текст. В своем предисловии под заголовком «Хроника Гаека и чешская культура»⁴ Я. Колар обосновывает понятие «эпический нарратив» применительно к Гаеку и рассматривает его «вранье» в ином ракурсе. Вымыслов больше всего содержится в той части хроники, где повествуется о событиях до 1000 г., т.е. о мифической чешской древности. Я. Колар считает, что для Гаека было прежде всего важно дать читателю целостное повествование, стилизованное под средневековую анналистику, поэтому собственно мифы и легенды у него имеют четкую хронологическую датировку. Исследователь высоко ставит мастерство Гаека-рассказчика, повествователя. Он видит в нем представителя чешской ренессансной культуры, создателя текста, наметившего переход от средневековой хронистики к жанру исторического романа в понимании Нового времени. Я. Колар также

³ *Kutnar F., Marek J. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví.* Praha, 2009. S. 75-79.

⁴ *Kolár J. Hájkova kronika a česká kultura // Václav Hájek z Libočan. Kronika česká.* Praha, 1981. S. 7-24.

отмечает двойственность текста. Гаек о своем материале знает абсолютно всё, начиная с дат и кончая прямой речью персонажей. Это, с одной стороны, связывает его текст с традиционной средневековой историографией (анналистикой, хронистикой), с другой стороны – с собственно литературой, с фиксацией эпического события и речи героев. При этом рассказ о чешском язычестве опирается у Гаека на античную мифологию, что явно отражает ренессансный дискурс всего произведения. Я. Колар также отмечает особенности структурирования текста Гаека. Его рассказ, особенно в первых частях, свободно фабулизирован. Каждый год содержит одну (иногда несколько) эпическую единицу, созданную в различных повествовательных манерах. Однако в рамках событий одного года повествование тяготеет к определенной сжатости, хотя само крупное событие может растягиваться им на несколько лет. Я. Колар подчеркивает, что хроника Гаека в конце XVI в. воспринималась не только как исторический труд, но и в своем литературно-художественном формате как большой и увлекательный нарратив. Ей подражали, не достигая ее литературных качеств (например, «Фундация, или Основание города Клатовы» Яна Клатовского, 1599 г.). Наиболее ранний пример подражания хронике Гаека и заимствований из нее представляет собой сочинение *Historiae regni Boemiae* (1552 г.) оломоуцкого епископа Яна Дубравиуса.

Аналогично оценивает хронику Гаека историк Зденек Бенеш в книге «Исторический текст и историческая действительность.

Исследование о принципах чешской гуманистической историографии⁵. Он называет ее особым «типом исторического текста», в котором фабульность и эпистемологичность существенно дополняют анналистичность изложения. Гаек, в отличие от средневековых хронистов, дает не сообщения о событиях, а развернутые рассказы о них. Приводимая им точная датировка событий чешской дохристианской истории имеет большой смысл, так как он тем самым вводит этот период в чешскую историю в собственном смысле слова, утверждая подлинность, достоверность этих событий. Предания, легенды средневековых хронистов обретают статус исторического факта. Сообщения старых хроник Гаек использовал как «открытый текст», внося свои дополнения фабульного характера. З. Бенеш относит хронику Гаека к тому типу гуманистической историографии, которую обычно называют беллетризирующей и к которой относятся также сочинения мораванина Яна Дубравиуса, польско-чешского автора Бартоломея Папроцкого, а несколько ранее в Польше — знаменитый труд Яна Длугоша «История Польши».

Для этого типа сочинений характерны три главные черты, отличающие его от позднейших правил исторической науки. Во-первых, это придумывание новых исторических фактов, о которых ранее нигде не было упоминаний, но которые, по мнению наших авторов, должны были иметь место. Исходя из своей общей

⁵ Beneš Z. Historický text a historická skutečnost. Studie o principech českého humanistického dějepiscetví. Praha, 1992. S. 66–76.

концепции истории, авторы, наоборот, замалчивали известные события, если они не соответствовали их представлениям о том, как должны были развиваться эти события. Во-вторых, это организация материала в эпистемологическую систему, характеризующуюся стремлением к последовательной хронологии даже ценой вымышленных датировок. В-третьих, стилистическая зависимость от использованных текстов. Замечу в скобках, что последнее качество отнюдь не является отличительной особенностью только данного типа текстов. З. Бенеш выступает за объединение собственно исторических и литературоведческих методов исследования хроники Гаека, что позволит научно, объективно и адекватно оценить ее место в развитии чешской культуры.

Последний чешский академический компендиум по истории чешской литературы относит хронику Гаека к периоду расцвета чешского гуманизма, отмечая, однако, что по своему характеру она принадлежит позднесредневековой хронистике⁶. Гаек не был историком-гуманистом, поскольку ему чужд критический подход к источникам, которые он, наоборот, дополняет своими вымыслами. Своей популярностью хроника обязана повествовательному мастерству Гаека, чей труд стал источником сюжетов для многих произведений чешской культуры последующих веков.

⁶ *Lehár J.* Humanismus // *Lehár J., Stích A., Janáčková J., Holý J.* Česká literatura od počátků k dnešku. Praha, 2002. S. 117–118.

Такой подход современных литературоведов противостоит мнению Я. Колара и в особенности З. Бенеша, усматривавшего именно в беллетризации исторического повествования новый ренессансный дискурс, направленный не в сторону объективного знания, а к созданию нового литературного жанра — исторического романа.

В ставшей уже знаменитой «Истории литератур западных и южных славян» под редакцией С.В. Никольского, Л.Н. Будаговой и А.В. Липатова, первый том которой вышел в 1997 г., В.В. Мочалова рассматривает хронику Гаека как явление чешской прозы, выделяющееся на фоне чешской хронистики, так как она «написана талантливо». В.В. Мочалова относит ее к ренессансному типу историописания, поскольку она представляет собой «честолюбивую попытку написать историю Чехии в духе античной историографии»⁷.

Итак, оценка хроники Гаека сводится к проблеме «история contra литература» или же к проблеме их синтеза? У Гаека историческая ретроспектива предстает как поле для сотворения фейков, и исследователи должны выявлять их цели, задачи и формы воплощения, изучать хронику Гаека, имеющую огромное значение для всей чешской культуры, именно как литературный памятник в целостности всех его компонентов.

⁷ Мочалова В.В. Чешская литература // История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. 1. С. 654.